

Кому адресовано письмо Ивана Жукова в рассказе А. П. Чехова «Ванька»?

Харламова И.Н.

«На деревню дедушке. Константину Макарычу» - так адресовал свое письмо, исполненное слезных просьб и радужных надежд, девятилетний герой рассказа А. П. Чехова «Ванька» (газетная публикация 1886 г., подпись «Чехонте»). Эта формулировка вошла в разговорный русский язык и стала расхожим фразеологическим оборотом, обозначающим ироническую оценку безнадежного дела. В рассказе же адрес, написанный рукой Ваньки, играет роль неожиданной, новеллистического типа концовки и придает трагикомическую (а точнее, юмористическую, порождающую «смех сквозь слезы» или «слезы сквозь смех») тональность всему повествованию. Эпизод из жизни Ивана Жукова (этим именем подписано письмо) вызывает невольную улыбку и острое чувство шемящей жалости: слишком очевидна обреченность маленького автора письма, успевшего завоевать симпатию читателя.

Ванька подкупает, по словам В. Кожина, своим удивительно свежим, лишенным односторонности восприятием мира. «Основное «действие» рассказа – страстное устремление мальчика домой, в деревню. Жизнь в деревне предстает в его памяти как блаженная идиллия или даже утопия; жизнь в городе - как сплошной трагический кошмар, даже гротеск («хозяйка взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать»). Но вдруг он вспоминает о московских лавках, где видел крючки «на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит», - и в повествование, - пишет В. Кожин, - вторгается его радостное удивление перед силами этого же самого - давящего и мучающего его города».

Повествование сосредоточено на психологическом состоянии ребенка, чья точка зрения сопряжена с точкой зрения взрослого безличного повествователя, близость которого автору очевидна. Композиционно рассказ построен как чередование ритмически соизмеримых кадров - воспоминаний Ваньки о деревне и фрагментов его письма к деду с комментариями повествователя, который знает о своем герое все. Он воссоздает обстановку комнаты и испуганную фигурку мальчика, его мимику, жесты, движения в момент, когда тот, достав перо и чернильницу, пристраивается писать письмо или, всхлипывая, вытирает кулаком глаза, а в конце рассказа радостно бежит на улицу, чтобы отослать письмо. Он же сообщает, что Ванька - сирота, которого после смерти матери отправили в город в учение к сапожнику. И сам Иван Жуков осознает себя сиротой: «Нет у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался»; «Пожалей ты меня, сироту несчастную», - пишет он деду. Мотив сиротства подчеркивает полную зависимость его от хозяина и усилен (можно сказать абсолютизирован) тем, что мальчик оторван от деда - единственно близкого ему человека, от родных мест, где был и зимний лес, и млечный путь, и барский дом с доброй барышней, и праздник с гостинцем - золотым орехом. Игра его воображения направлена на преодоление сиротства, на поэтизацию далекого деревенского мира в его бытовых подробностях и его сказочности.

Мотив сиротства связан в рассказе со сквозным мотивом смерти: кончина матери повлекла за собой перипетии в жизни Ваньки, о чем он пишет деду: «нету никакой возможности, просто смерть одна»; «увези меня отсюда, а то помру». Оба мотива имеют глубокие корни, восходят через сказочный мотив о сиротстве к мифологическому архетипу.

Письмо Ваньки - своего рода крик души. Всплеск воспоминаний о прошлом и решение написать деду мотивированы праздником Рождества, когда Ванька особо остро ощущает контраст между своим прошлым в деревне и сегодняшним днем в городе. Здесь он одинок, постоянно испытывает унижения, чувство голода («а еды нету никакой»), страха (начиная

писать письмо, несколько раз пугливо оглядывается на двери и окна), не досыпает («а спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку»).

Разбив текст письма на фрагменты, повествователь сопровождает их воспоминаниями Ваньки и его мечтой о деревне. Воображение мальчика живо воссоздает родные его сердцу картины: вот ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку дед (ночной сторож у господ Живаревых), за ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и черный кобелек Вьюн; а вот дед стоит у ворот и, притоптывая валенками, нюхает табак и балагурит с дворней. Повествователь комментирует кадры воспоминаний Ваньки со своей взрослой, всезнающей точки зрения. Он видит и оценивает деревенский мир не так, как Ванька с его детским кругозором и опытом, - взгляд повествователя прозаичнее и трезвее. «Почтительность и смирение» собачонки он иронически называет «иезуитским ехидством»; уточняет облик деда: «это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами».

Образ мира в восприятии и оценке девятилетнего мальчика, вырванного из привычной деревенской обстановки и живущего третий месяц в городе учеником у сапожника, среди чужих людей, резко контрастен. В рассказе сопряжены и симметрично противопоставлены хронотопы деревни и города. Деревенский быт дан в контексте природной жизни - одушевленной, оваянной поэзией. Пейзажные зарисовки (в ракурсе Ваньки, но в изложении повествователя) проникнуты стихией фольклора. Ярко-красные окна деревенской церкви, белые крыши изб и струйки дыма, идущие из труб, посеребренные инеем деревья, небо, усыпанное весело мигающими звездами, Млечный Путь, который как будто перед праздником помыли и потеряли снегом, зимний лес, сугробы, мороз, елки, - на всем лежит отсвет рождественской ночи, когда ребята ходят со звездой, а барышня в господском доме оделяет их подарками. Золотой орех с елки - сказочный символ этой веселой и праздничной жизни.

Из всех персонажей, возникающих в воображении мальчика, наиболее зримо предстает дед в его жестово-мимическом и речевом действовании: «Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку». Слышны его реплики: «Табачку нешто нам понюхать?», «Отдирай, примерзло», «Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!» Повествователь комментирует: дед «заливается веселым смехом», «посмеивается над озябшим Ванюшкой», добродушно шутит: «в неописуемый восторг» приводит его чихание от табака баб и собак. Своим радостным мировосприятием он близок ребенку. Присутствие этой пары - Ванька и дед - заставляет вспомнить архетип «младенец и мудрый старик». Но имя старика двусмысленно: этимологически Константин - постоянство, устойчивость, что, казалось бы, соответствует той роли, которую отводит ему Ванькина надежда. Но в силу склонности языка «перегибать значение слова на обратное», этим именем, как отмечает П. Флоренский, зовут «непостоянство». Не менее выразительно отчество «Макарыч», если учесть, что ему сопутствует признак плутовства и неудачливости (ср. «на бедного Макара все шишки валяются»).

Динамичные бытовые сценки, одушевленная природа, веселое настроение деда и внука, - все это объединяется в единую целостную картину деревенского мира, где, по словам насмешливого повествователя, «и дед кричал, и мороз кричал, а глядя на них, и Ванька кричал». Воспоминания мальчика дополнены мечтами о будущем: дед возьмет его обратно, домой, на деревню. Ванька обещает: будет табак тереть, Богу молиться, попросится к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойдет. К надеждам Ваньки повествователь, хотя и сочувствует мальчику, относится несколько скептически. Он видит реальность - сумрачную комнату с темным окном и темным образом между двумя рядами колодок. Здесь ребенок ощущает себя пленником: «хотел было пешком на деревню бежать да сапогов нету, морозу боюсь».

В письме Ваньки его настоящее - повседневный быт у сапожника и Москва - описаны по контрасту с деревней: «А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают...» Он сохранил «способность видеть и удивляться, - писал Н. Н. Сухих о Ваньке, - мир

для него полон чудес»: в лавке крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, ружья всякие на манер бариновых, и тетерева, и рябцы, и зайцы. Его радостное удивление таит в себе мечту о возврате в деревенский мир с рыбалкой, охотой, привычным бытом. В городе нет ни зимнего леса, ни елки с гостинцами, ни атмосферы праздника. Былое «веселое» время Ванька противопоставляет нынешнему: «а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу». Его душевное состояние выражено пластическими жестами, отмеченными повествователем: «Ванька pokrивил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул»; «он судорожно вздохнул и опять уставился на окно». Этим усиливается впечатление, которое производит текст письма.

В полярном художественном мире персонажи возникают в ракурсе детского восприятия как близкие или враждебные. Автор организует систему персонажей строго симметрично: в деревне - добрый и веселый дед, в городе - злой сапожник, который «вчера выволоч за волосы на двор и отчесал шпандырем»; в деревне - любимица Ваньки барышня Ольга Игнатъевна, которая «кормила леденцами», «выучила читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили», а в городе - грубая хозяйка; в деревне - добрые знакомые: горничная, кухарка, Алена, кривой Егорка, кучер, а в городе - подмастерья, которые «посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы». Ни внешнего облика, ни высказываний персонажей городского мира нет, для Ваньки главное в их поведении – «бьют чем попадя»: шпандырем, колодкой, селедкой, которая становится своего рода символом этой жизни. В этом мире Ванька уподобляется черному кобельку Вьюну, которого в деревне тоже били до полусмерти.

Письмо написано в стиле устной речи, в нем звучит голос Ваньки, как бы беседующего с дедом. Разговорная лексика (волосья, вчера, выволочка, ребяенок, ейный, ихний, заместо, помрешь, пушают, стоящие, небось, наемдни, очухался), фразеологические обороты (секи меня, как Сидорову козу; пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой; сделай божецкую милость, Христом богом тебя молю и др.) отражают его «деревенский» менталитет. Оно коротко, но по словарю разнообразно (как отметил Н. В. Трунев, в нем около 450 слов). Для описания своей жизни Ванька находит выразительные синонимы: бьет, ударил, отчесал, колотят. Эмоциональная окраска усилена фразеологизмом «чем попадя» и конкретностью детализации - "колодкой по голове". Синтаксически текст близок фольклорному стилю. Вместе с тем в нем присутствуют традиционные формулы эпистолярного жанра.

Адрес «На деревню дедушке» усиливает впечатление одиночества, наивности и обреченности Ваньки, в его просьбах упоминается Бог, но надеется мальчик не на него, а на деда, и читатель понимает: у Ваньки «вообще нет адреса - и именно это трагически подчеркивается отсылкой письма без адреса, - заметил В. В. Ермилов. - Безвыходность его положения усиливается образом безмерной холодной пустоты пространства, в которое брошено письмо. <...> Но обращение в мир без адреса говорит и об иллюзорности Ванькиного мира».

Ощущение обреченности его существования отражает точку зрения повествователя. В художественном мире рассказа оно дополнено надеждой мальчика, которой у повествователя уже нет, хотя он не чужд поэтическому восприятию мира. Достаточно, однако, мысленно исключить из рассказа голос Ваньки и систему кадров деревенской жизни, возникающих в его воображении, достаточно представить, что все это могло бы быть воспроизведено только в кругозоре трезвого и пронизательного повествователя, как исчезнет полнота и многомерность жизни. Однополюсный ее вариант оказался бы крайне обедненным, если не тенденциозным. А главное, исчез бы живой полнокровный образ деревенского мальчика - сметливого, наблюдательного, эмоционального, наделенного живым воображением и привлекающего потенциалом своей внутренней жизни. Отсюда осязаемая сентиментально-утверждающая тональность повествования, а не только жалостливое сочувствие главному персонажу. Не случайно Ванька вызывает ассоциации с крестьянскими детьми в произведениях Н. А. Некрасова и И.С. Тургенева.

Вместе с тем, по словам Л. И. Тимофеева, повествователь воспринимает историю Ваньки «во всей ее конкретности и трагизме, во всем ее неизбывном горе, во всей ее боли, в

отчаянном ожидании отклика на не услышанный никем (кроме Чехова) зов о помощи». В силу этого сентиментально-юмористическая тональность новеллы обретает трагические обертоны, дает дополнительный эмоциональный импульс восприятию читателя, выводя его за рамки детского мироощущения. Н. Я. Берковский писал: «до дедушки письмо не дошло, до нас дошло, уже сменилось несколько поколений, и до всех оно доходит».

Анекдотический по своему типу сюжет исполнен глубокого гуманистического смысла. Обобщающее значение имеет и название. «Ванька» - это не только Иван Жуков, но имя-кличка, почти прозвище, ставшее нарицательным в московской разговорной речи того времени: синоним простолюдина (ср. в одноименном рассказе Чехова 1884 г. Ванька - синоним ямщика). Как заметил М. М. Бахтин, прозвище «возникает на границах памяти и забвения, <...> это формула перехода». Она «типизирует прозываемого, имя никогда не может типизовать», - писал ученый. Знаменательно, что сам мальчик подписывает письмо «Иван Жуков» - и именно так он осознает себя. Традиционный жанр трогательного рождественского рассказа, столь распространенный в беллетристике 80-х годов, обрел качество классического многоаспектного художественного произведения, знаменуя существенный момент творческой эволюции автора: от Чехонте к Чехову.

ЦГТБ имени А. П. Чехова